

**ЖАЛПЫ ТАРИХЫ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
THE WORLD HISTORY**

МРНТИ: 07.09.07 (03.91.01)

<https://orcid.org/0000-0002-0398-563X>

Аскарлов М.М.*

доктор PhD, доцент. ТашГУВ. Ташкент, Узбекистан

**ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ:
ОТ ОРИЕНТАЛИЗМА К ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ**

*Автор - корреспондент: mirzokhid.askarov90@gmail.com

Аннотация. Исследование по историографическому анализу формирования западных исторических и антропологических знаний о Центральной Азии с акцентом на изучение региональных идентичностей. Рассматриваются институциональные и теоретические основы западных исследований, эволюция научных подходов от колониального и ориенталистского дискурса периода холодной войны к постколониальным и постсоциалистическим моделям конца XX – начала XXI века. Анализируются терминологические проблемы региональной идентификации, влияние политического контекста на академические интерпретации, а также роль полевых исследований в переосмыслении научных представлений о регионе. Показано, что Центральная Азия утвердилась в западной научной традиции как самостоятельное направление междисциплинарного анализа, отражающее сложность исторических, культурных и социальных трансформаций. Историографический анализ западных историко-антропологических исследований Центральной Азии демонстрирует, что формирование научного знания о регионе было тесно связано с изменениями глобального политического контекста, институциональным развитием академической среды и эволюцией исследовательских парадигм.

Ключевые слова: историография, Центральная Азия, идентичность, антропология, ориентализм, западные исследования, постколониальные подходы, региональные исследования, академический дискурс

ГТАХР: 07.09.07 (03.91.01)

<https://orcid.org/0000-0002-0398-563X>

Аскарлов М.М.*

доктор PhD, доцент, ТашМШУ. Ташкент, Өзбекстан

**ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ТУРАЛЫ БАТЫС ҒЫЛЫМЫНДАҒЫ ТАРИХИ-
АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ТҮСІНІКТЕР:
ОРИЕНТАЛИЗМНЕН ПОСТКОЛОНИАЛДЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРГЕ ДЕЙІН**

*Автор - корреспондент: mirzokhid.askarov90@gmail.com

Түйін: Зерттеу батыс ғылымында Орталық Азия туралы тарихи және антропологиялық білімнің қалыптасуын историографиялық тұрғыдан талдауға арналған. Зерттеуде аймақтық сәйкестік мәселелерін зерттеудің институционалдық және теориялық негіздері, қырғи-қабақ соғыс кезеңіндегі отарлық және ориенталистік дискурстан XX ғасырдың соңы мен XXI ғасырдың басындағы постколониалдық және постсоциалистік тәсілдерге дейінгі ғылыми эволюция қарастырылады. Аймақтық терминология мәселелері, саяси контекстің ғылыми түсіндірулерге ықпалы және далалық зерттеулердің рөлі талданады. Нәтижесінде Орталық Азия Батыс академиялық дәстүрінде тарихи, мәдени және әлеуметтік үдерістердің күрделілігін көрсететін дербес пәнаралық зерттеу бағыты ретінде орныққаны дәлелденеді. Орталық Азияның батыстық тарихи-антропологиялық зерттеулерінің тарихнамалық талдауы аймақ туралы ғылыми білімнің

қалыптасуы жаһандық саяси контексттің өзгеруімен, академиялық ортаның институционалдық дамуымен және зерттеу парадигмаларының эволюциясымен тығыз байланысты екенін көрсетеді.

Кілт сөздер: историография, Орталық Азия, сәйкестік, антропология, ориентализм, батыс зерттеулері, постколониалдық тәсілдер, аймақтық зерттеулер, академиялық дискурс.

IRSTI: 07.09.07 (03.91.01)

<https://orcid.org/0000-0002-0398-563X>

Askarov M.M.*

doctor PhD, Associate Professor, Tashkent SUOS. Tashkent, Uzbekistan

HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL REPRESENTATIONS OF CENTRAL ASIA IN WESTERN SCHOLARSHIP: FROM ORIENTALISM TO POSTCOLONIAL STUDIES

*Corresponding author: mirzokhid.askarov90@gmail.com

Abstract. This article provides a historiographical analysis of the formation of Western historical and anthropological knowledge about Central Asia with particular attention to the study of regional identities. It examines the institutional and theoretical foundations of Western scholarship and traces the evolution of research paradigms from colonial and orientalist frameworks during the Cold War to postcolonial and postsocialist approaches of the late twentieth and early twenty-first centuries. The study addresses terminological debates surrounding regional classification, the influence of political contexts on academic interpretations, and the growing importance of field research in revising earlier perspectives. The findings demonstrate that Central Asia has emerged within Western academia as an independent interdisciplinary field reflecting the complexity of historical, cultural, and social transformations. A historiographical analysis of Western historical and anthropological studies of Central Asia demonstrates that the formation of scientific knowledge about the region was closely linked to changes in the global political context, the institutional development of the academic environment and the evolution of research paradigms.

Keywords: historiography, Central Asia, identity, anthropology, orientalism, Western scholarship, postcolonial approaches, regional studies, academic discourse.

Введение

В настоящее время сеть исследовательских центров и институтов (*scholarship and academia*) по изучению идентичностей народов Средней Азии, в частности, Узбекистана, растёт. Углубляется объем научных направлений данной тематики, совершенствуются методология и методы исследования, расширяется география исследования, что вызвано политическими, экономическими, социальными событиями современности. Большая часть публикаций печатается на английском языке, как языке международного научного сообщества. Была показана динамика, цели и задачи исследований идентичностей центральноазиатского региона зарубежными научными учреждениями.

География исследований

Известно, что исследование отдельного региона вне контекста его географической территории, границ с сопредельными странами и народами невозможно. Исходя из этого положения, Узбекистан всегда изучается неразрывно с Центральной Азией. Однако до сих пор существует неразрешённая терминологическая путаница в наименовании «центрально» или «среднеазиатского» региона. В этой связи научное определение границ термина остаётся размытым, что мешает признанию результатов научных исследований этого ареала [8, 40]. Если во время колонизации Русской империей по преимуществу использовали административные термины (Туркестан, Русский Туркестан и т.п.), то в советский период во время национально-политического размежевания закрепляется термин «Средняя Азия и Казахстан». С этого периода под термином «Средняя Азия» стали понимать четыре новых советских государства и весь Казахстан.

В западной науке также нет единого названия региона. Если до 60-х годов XX века

научное знание подразделялась на изучение континентов (Азия, Африка, Латинская Америка), то после 60-х годов происходит переход на «региональные исследования» (*area studies*), в которых знание было сосредоточено на изучении отдельных регионов и народов (русские, тюркские, иранские ... народы) [8, 46-47].

В конце XX – начале XXI вв. в западной и американской научной среде широко и взаимозаменяемо использовались термины «Внутренняя Азия» (*Inner Asia*), Евразия (*Eurasia*), Средняя Азия и Центральная Азия как основной синоним всех других. Следовательно, путаница в терминологии, в области исследования, лимитация региона от остального мира или раздувание территории до «Большой Евразии» тормозит развитие научных исследований. Для западной и американской (*West*) науки все те территории, которые находились за пределами этих государств, обобщённо назывались не-западными (*Non-West*) или восточными (*Orient*) государствами. В период холодной войны Восток (*Orient*) также был известен как «третий мир» («третий мир» часто используется как синоним термина «Восток»), куда входили государства Азии и Африки (иногда Латинской Америки) [14, 75-76].

Западные представления о Востоке называются «востоковедением» (*Orientalism*). Согласно Э. Саиду «Ориентализм – это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии, проводимом между «Востоком» и (в большинстве случаев) «Западом»» [18, 45]. Следовательно, исследования Центральной Азии, в частности Узбекистана и узбекской идентичности также входили в состав регионального исследования Востока, и находились в центре внимания западных (в нашем случае британских, американских и некоторых европейских) исследований, как части советского государства.

Как полагает Э. Саид, существовали разные виды ориентализма, определяемые интересами таких метрополий, как Великобритания, Германия, Соединённые Штаты Америки, Россия Франция и т.п. Хронологически в ориентализме преобладали последовательно учёные, обслуживавшие британский колониализм, затем исследователи Франции, после Второй мировой войны – США. В создании ориенталистских дискурсов о Востоке помимо этих трех стран важную роль играла также Германия.

Представители академической науки по-разному воспринимали теорию «ориентализма» Э.Саида, в основном критически, так как она вызвала резонанс, спровоцировала борьбу мнений. Главным критиком «ориентализма» Саида стал Бернард Льюис, британский и американский историк, востоковед. Ученый обвиняет Саида в том, что автор «Ориентализма» придал негативный оттенок «почтенному» термину, в том, что свое исследование проводил на основе вторичных источников и, в целом, не предоставил весомые факты.

Анализ показывает, что современные основные центры и институты по исследованию Центральной Азии (в частности Узбекистана) расположены в Великобритании, Германии, Российской Федерации, Франции, США, а также в некоторых азиатских государствах – Японии, Южной Корее. В данном исследовании термины Центральная Азия и Средняя Азия будут в дальнейшем носить разнозначный характер.

Согласно зарубежным исследованиям идентичности центральноазиатских народов, развитие научных знаний в этом направлении подразделяется на несколько этапов. Опорной точкой «символического» начала исследования изучаемой тематики является конец Второй мировой войны, так как большинство западных грантов по исследованию мусульманского мира (региона), его идентичности началось в послевоенный период. С данного периода, в западной и американской науке наблюдаются следующие этапы изучения восточных идентичностей:

1. Колониальный период – с 50-х годов до начала 90-х годов (подразделяется на два микрэтапа – 50 - 60 годы и 70 - 80 годы) [7, 6-34];

2. Постколониальный (*post-colonial*) (иногда постсоциалистический (*post-socialist*) [11, 340-365] период (подразделяется на два микроэтапа – 90-ые годы и начало XXI века).

Исследование каждого из вышеуказанных периодов имеет свою причину, цель и задачи, предмет и методологию, особенности и результаты. Ниже кратко охарактеризуем каждый период. Колониальный период: еще до окончания Второй мировой войны было очевидно, что союзнические отношения между СССР и западными державами – не более чем временные. Ялтинская конференция, разделившая Европу на советскую и американскую сферы влияния, объективно заложила основу периода конфронтационных международных отношений, получивших название холодной войны.

Теоретический анализ

Материалы и методы

Политические действия Советского Союза и его бывших союзников по антигитлеровской коалиции на международной арене указывали на то, что надежды на мирное долговременное сотрудничество СССР с Западом и США скорее утопичны, чем реальны. Изменение тенденций международных отношений в 50-ые годы отразилось на том, как о Советском Союзе писали на Западе.

В это же время Ближний Восток, имеющий жизненно важное стратегическое значение ввиду наличия запасов углеводородов, стал главной ареной соперничества между Западом и Советским Союзом. Для британских и французских исследователей в 50-ые года было важно изучение Центральной Азии при советской власти, чтобы оценить степень успеха советской политики и её вероятное влияние на новые реформистские и левые правительства, сформированные на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Можно сказать, что 1950-е годы стали рождением современных исследований в Центральной Азии. Однако правительство Великобритании и Франции после утраты контроля над восточными, мусульманскими регионами переключили свое внимание на изучение других регионов. Так как, этот регион перестал представлять политический интерес для этих стран.

1960-е годы являются периодом, в появления первых стипендий и гранты США, впоследствии обеспечивших этой стране опережающее развитие исследований Центральной Азии. Американское востоковедение восприняло большинство европейских парадигм в изучении исламского мира, но самые глубокие следы здесь оставила британская научная традиция. На усиленное изучение Центральной Азии и востока в целом оказала влияние и государственная политика США. В 1958 году Конгресс США принял Закон об образовании в области национальной обороны (NDEA), предусматривавший крупномасштабное государственное финансирование высшего образования. Раздел VI закона обеспечивал субсидирование программ изучения языков и регионов. Параграф «Краеведение» включил такие предметы, как афроамериканские и латиноамериканские исследования. Региональные изыскания, в свою очередь, послужили стимулом для изучения Ближнего Востока и исламских исследований в США.

Среди представителей британской школы 50-60-х годов, которые писали об идентичностях в Центральной Азии особенно выделяются Дж. Уилер, О.Кэрроу, Г. Гибб, В. Коларз; среди французских исследователей отмечают В.Монтела, А.Беннигсена, Э.Каррерд'Анкосса, Ш.Лемерсье-Кельеже; среди американских исследователей указываются Р. Пайпс, Л. Крэдер, М. Рывкин, К.Роберт, Э.Бэкон, Э.Оулворт и др. В числе американских исследователей было много выходцев из Советского Союза, Британии или Германии, которые были приглашены или отобраны для работы в ведущих университетах США, например: Д.Синор, Н.Поуп, Ю.Брегель, Й.Шахт, Б.Льюис, Ф.Хитти и др.

1970-ые и 80-ые года ознаменовались существенными сдвигами в масштабе исследований идентичности, их значимости, а также в расширении географии исследования. После «периода застоя» в работах отдельных исследователей Центральной

Азии доминировало положение, согласно которому главная угроза советскому государству – это вдохновленное исламом и возглавляемое суфиями восстание. Появился ряд книг и статей, особенно во время «междущарствия» Андропова и Черненко, об исламе и национализме в Центральной Азии. Многие из них издавались под именем А. Беннигсена или в соавторстве с ним [5, 148-159]. В этот период продолжают во множестве исследуется мусульманское население Советской Азии. Исследователи интересовались тем, как исламу удалось выжить в условиях коммунистической системы [9, 52]. Для описания официальных форм религии вошел в употребление термин «советский ислам» [6, 12-20].

Как уже отмечалось, появляется новое поколение учёных, которое получало знания по ориенталистике в известных американских университетах, как Колумбийский, Принстонский, Вашингтон, Индиана, Йельский у А. Беннигсена, Ю. Брегея, Д. Синора, Э. Оулворта и др.

С 1980-х годов это новое поколение исследователей начало опровергать предыдущие представления о народах и идентичностях Центральной Азии. Учёные разделились на две группы. С одной стороны, это были бывшие государственные служащие, многие из которых принадлежали к колониальной администрации или занимали должности, связанные с Советским Союзом. К ним относятся Ч. Хостлер, О. Кэрроу, Р. Конквест, Дж. Уиллер. Другое направление представляли эмигранты из Восточной Европы и СССР или их потомки, такие как М. Рывкин, Э. Каррерд'Анкосс, В. Коларз, Т. Раковска-Хармстон. В обе группы, являясь одновременно эмигрантами и бывшими государственными служащими, входили А. Беннигсен и Б. Хайит [13,207]. Если в идейном направлении исследований первой группы преобладали политические дискурсы, то вторая группа старалась подчеркивать несправедливость по отношению к мусульманским идентичностям со стороны правительств соответствующих стран.

Основателем «американской» школы изучения востока и мусульманских регионов является А. Беннигсен, который в последние годы жизни преподавал в Чикагском университете. Одним из последних его учеников считался С. Уимбуш. Колумбийский университет в США – еще один центр изучения Центральной Азии. Э. Оулворт и М. Рывкин получили докторскую степень в Колумбии. Одновременно с ними в Колумбии также работал географ Льюис, писавший о демографии Центральной Азии. Самым авторитетным ученым «парижской» школы считали Дж. Уилера, который являлся постоянным лектором в Королевском Центральноазиатском обществе.

На научное знание о мусульманских идентичностях конца 70-х – 80-х годов также повлияло исследование Э. Саида и его труд «Ориентализм» [18,56]. Ориентализм стал одним из ключевых направлений в постколониальных исследованиях, а также в области исследований гендерных проблем, восточных идентичностей и этнических исследований. Саид критикует оппозицию Восток – Запад или «Магриб – Машрик», которая придает французскому и британскому колониальному доминированию видимость справедливости [15,83].

Второй период – постколониальный (*post-colonial*) (иногда постсоциалистический (*post-socialistic*)). В предшествующий период рассматриваемый регион называли «черная дыра Центральной Азии» [12,66]. Несомненно, распад СССР в 1991 году явился неожиданностью для многих исследователей, которые не предполагали такого быстрого развития событий, в результате которого в конце 90-х годов многолетние барьеры для исследований, наконец, исчезли. Появилась возможность изучить реалии Центральной Азии изнутри, на основе полевых материалов.

Но, следует признать, что антропологи, обучавшиеся за пределами Советского Союза, начали писать диссертации на полевых материалах из Центральной Азии ещё в середине 1980-х гг., когда длительные этнографические исследования в этом регионе впервые стали возможны (например, диссертация Шоберлайн-Энгеля [17. 188]) [16,61]. Внезапное

открытие региона положило начало «догоняющей этнографии» (*catch-up ethnography*) [10,116] в западной антропологии, что характерно для первого постсоветского поколения социальных и культурных антропологов, получивших образование в западных университетах, начавших интересоваться более широкими антропологическими дискуссиями в среднеазиатском регионе.

Результаты и обсуждение

Существуют несколько причин, почему Центральная Азия и её идентичности в настоящее время превратились в столь важный этнографический регион.

Во-первых, эта территория часто теоретизируется как продолжение других регионов и традиций – рассматривается как нечто удивительно пластичное по сравнению с теориями, культивируемыми в других местах [1,316-322].

Во-вторых, окончание холодной войны – важное событие, которое требует анализа следующих циркуляций: людей – теперь можно не ограничиваться только миграциями; воображаемого – с учетом той роли, которую играет телевидение, кино, интернет; реального – товаров, денег и т.д.).

В-третьих, бесчисленные политологи, которые не являются специалистами по Центральной Азии, несколько иным образом монополизировали изучение региона и «импортируют» сюда количественные методы, которые использовали в других географических ареалах. В результате, сосредоточенность на конфликтах и исламе уже привела к изобретению мифов [15,86].

В-четвертых, западные социологи пытались на основе накопленного научного материала дать верный ответ на актуальный вопрос, куда хочет идти Центральная Азия – к западу за демократией или назад к социализму.

Таким образом, перечисленные факторы демонстрируют, что превращение Центральной Азии в значимый объект современной этнографической рефлексии связано с совокупностью теоретических, методологических и политико-исторических условий. Теоретизация региона как пространства межрегиональных взаимодействий, постхолодновоеенные изменения в глобальных циркуляциях людей, идей и ресурсов, перенос внешних аналитических моделей и стремление интерпретировать региональные процессы в рамках универсальных политико-социальных схем существенно повлияли на характер исследований. В результате Центральная Азия закрепились в научном поле как самостоятельная аналитическая зона, позволяющая конкретизировать представления об идентичности и социальных трансформациях, а также выявлять ограничения редукционистских подходов к изучению постсоветских обществ.

Подходы

В начале 1990-х годов было модно писать об этническом национализме как подавляющем политическом императиве постсоветской эпохи [15,89]. Частично это связано с более ранней литературой, описывающей СССР как «тюрьму народов», в которой подчеркивалась несправедливость национального размежевания, а также с оценкой колониального характера советского государства.

Верны утверждения и антрополога Д. Ибаньез-Тирадо и М. Марседена о том, что в этот период, и даже в начале XXI века в академических текстах Центральная Азия рассматривалась как «чрезвычайно ясно выделенный, но малоизученный регион мира» и часто фигурировала как «периферия» социальных явлений, центры которых располагались в других регионах (например, ислама и исламского возрождения на Ближнем Востоке), или как регион, удобный для анализа зарождающегося национализма и так называемого постсоветского «перехода» (*transition*) [9,51].

Контент-анализ исследований этого периода доказывает, что многие постсоветские центральноазиатские исследования, как правило, основываются на платформе окончания

холодной войны, решая проблему особенностей перехода от государственного социализма к демократии и капитализму, основанную на неолиберальном триумфализме [10,117].

Таким образом, исследовательские подходы начала постсоветского периода формировались в рамках интерпретационных моделей, где этнический национализм и логика «перехода» выступали доминирующими объяснительными категориями. Представления о колониальном наследии советской системы и восприятие региона как периферийного пространства закрепили аналитические схемы, ориентированные на универсалистские сценарии политической и экономической трансформации. Контент-анализ публикаций показывает, что подобные модели нередко смещали фокус исследования с внутренних историко-культурных динамик на нормативные концепции модернизации. В результате Центральная Азия долго рассматривалась преимущественно как поле апробации теорий постсоциалистического перехода, что актуализировало необходимость более контекстуализированных и эмпирически ориентированных подходов к изучению региональных идентичностей и социальных процессов.

Выводы и заключение

Таким образом, историографический анализ западных историко-антропологических исследований Центральной Азии демонстрирует, что формирование научного знания о регионе было тесно связано с изменениями глобального политического контекста, институциональным развитием академической среды и эволюцией исследовательских парадигм. От геополитически и идеологически обусловленных интерпретаций периода холодной войны западная наука постепенно перешла к более комплексным аналитическим моделям, ориентированным на изучение локальных идентичностей, социальных структур и культурных практик.

Терминологические дискуссии, влияние ориенталистских и постколониальных подходов, а также расширение полевых исследований после распада СССР способствовали переосмыслению прежних концептуальных рамок и укреплению междисциплинарного характера изучения региона. В результате Центральная Азия утвердилась в западной академической традиции как самостоятельное направление теоретического и эмпирического анализа, отражающее сложность исторических и социокультурных процессов и открывающее новые перспективы для исследования идентичности и трансформаций региональных обществ.

Важно отметить, что современное переосмысление историко-антропологических подходов к изучению Центральной Азии происходит в более широком поле исследований идентичности, мобильности и социальных трансформаций [2]. Анализ новых работ по истории региона, цифровым формам самоорганизации сообществ [3] и вопросам уязвимости мигрантов [4] демонстрирует, что центральноазиатская проблематика все чаще рассматривается в контексте глобальных дискуссий о власти, репрезентации и социальной агентности. Подобные историографические обзоры и рецензии на современные международные исследования способствуют интеграции региональных кейсов в сравнительную перспективу и позволяют уточнять теоретические инструменты анализа постколониальных и постсоциалистических обществ, расширяя понимание взаимосвязи между локальными идентичностями и глобальными социальными процессами.

Список литературы:

1. Alexander C. The Anthropology of Central Asia // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, Vol. 3, Edition: 2, P. 316-322.
2. Askarov, M. (2022). Central Asia: a new history from the imperial conquests to the present: by Adeeb Khalid, Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2021, 576 pp.,

\$35.00/£30.00 (hardcover), ISBN 978-0-6911-6139-6. *Ethnic and Racial Studies*, 45(8), 1544–1546. <https://doi.org/10.1080/01419870.2021.1973055>

3. Askarov, M. (2023). *Indigenous peoples rise up: the global ascendancy of social media activism*: by Bronwyn Carlson and Jeff Berglund, New Brunswick: Rutgers University Press, 2021, 260 pp., \$29.95 (Paperback), ISBN 978-1-9788-0878-2. *Ethnic and Racial Studies*, 46(8), 1700–1702. <https://doi.org/10.1080/01419870.2022.2100804>

4. Askarov, M. (2025). *Migrant domestic workers in Europe: law and the construction of vulnerability*: by Vera Pavlou, Oxford, UK and New York, Hart Publishing, 2021, 184 pp., £85 (Hardback), ISBN 978-1-5099-4237-4. *Ethnic and Racial Studies*, 48(13), 2698–2700. <https://doi.org/10.1080/01419870.2024.2364851>

5. Bennigsen A. with Lemercier-Quelquejey C. “Official” Islam in the Soviet Union // *Religion in Communist Lands*, 1979, Vol. 7, No. III, P. 148–159.

6. Carrère d’Encausse H. *Islam in the Soviet Union: Attempts at Modernisation // Religion in Communist Lands*, 1974, Vol. 2, No. 4–5, P. 12–20.

7. Chari S., Verdery K. Thinking between the posts: postcolonialism, postsocialism, and ethnography after the Cold War // *Comp. Stud. Soc. Hist.* 2009, Vol. 51, P. 6–34.

8. Горшенина С. «Средняя / Центральная Азия»: не более чем «этикетка» для сложного историко-культурного региона с меняющимися границами // *Антропологический форум*. № 28, 2016, С. 40-47.

9. Ибаньез-Тирадо Д., Марсден М. Антропологические исследования Центральной Азии в западной науке // *Антропологический форум*. № 28, 2016, С. 52.

10. Liu M. *Central Asia in the Post-Cold War World // Annual Review of Anthropology*, 2011, No. 40, P. 116.

11. Marsden M. *Southwest and Central Asia: Comparison, Integration or Beyond? // R. Fardon et al. (eds.). The SAGE Handbook of Social Anthropology*. L.: Sage, 2012, P. 340-365.

12. Mesbahi M. *Central Asia and the Caucasus After the Soviet Union: Domestic and International Dynamics*. Gainesville, FA: University of Florida Press, 1994.

13. Myer W. *Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia*. London; New York: Routledge & Curzon, 2002, P. 207.

14. Min Pun. The East-West Dichotomy: From Orientalism to Postcoloniality // *IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*, 2019, Vol. 24, Issue 1, Ser. 8, P. 75–76.

15. Петрик Б. // *Антропологический форум*. № 28, 2016, С. 83.

16. Ривз М. Антропология Средней Азии через десять лет после «состояния поля»: стакан наполовину полон или наполовину пуст? // *Антропологический форум*. № 20, 2014, С. 61.

17. Schoeberlein-Engel J. *Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of “Özbek”, “Tâjik”, “Muslim”, “Samarqandi” and Other Groups*. PhD diss. Harvard University, 1994.

18. Said E. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New Delhi: Penguin Books, 2001, 416 p.

Referens list:

1. Alexander C. *The Anthropology of Central Asia // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, Vol. 3, Edition: 2, P. 316-322.

2. Askarov, M. (2022). *Central Asia: a new history from the imperial conquests to the present*: by Adeeb Khalid, Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2021, 576 pp., \$35.00/£30.00 (hardcover), ISBN 978-0-6911-6139-6. *Ethnic and Racial Studies*, 45(8), 1544–1546. <https://doi.org/10.1080/01419870.2021.1973055>

3. Askarov, M. (2023). *Indigenous peoples rise up: the global ascendancy of social media activism*: by Bronwyn Carlson and Jeff Berglund, New Brunswick: Rutgers University Press,

2021, 260 pp., \$29.95 (Paperback), ISBN 978-1-9788-0878-2. Ethnic and Racial Studies, 46(8), 1700–1702. <https://doi.org/10.1080/01419870.2022.2100804>

4. Askarov, M. (2025). Migrant domestic workers in Europe: law and the construction of vulnerability: by Vera Pavlou, Oxford, UK and New York, Hart Publishing, 2021, 184 pp., £85 (Hardback), ISBN 978-1-5099-4237-4. Ethnic and Racial Studies, 48(13), 2698–2700. <https://doi.org/10.1080/01419870.2024.2364851>

5. Bennigsen A. with Lemercier-Quelquejay C. “Official” Islam in the Soviet Union // Religion in Communist Lands, 1979, Vol. 7, No. III, P. 148–159.

6. Carrère d’Encausse H. Islam in the Soviet Union: Attempts at Modernisation // Religion in Communist Lands, 1974, Vol. 2, No. 4–5, P. 12–20.

7. Chari S., Verdery K. Thinking between the posts: postcolonialism, postsocialism, and ethnography after the Cold War // Comp. Stud. Soc. Hist. 2009, Vol. 51, P. 6–34.

8. Gorshenina S. «Srednyaya / Tsentral'naya Aziya»: ne bolee chem «etiketka» dlya slozhnogo istoriko-kul'turnogo regiona s menyayushchimisya granitsami // Antropologicheskii forum. № 28, 2016, S. 40-47. (In Russian)

9. Iban'ez-Tirado D., Marsden M. Antropologicheskie issledovaniya Tsentral'noi Azii v zapadnoi nauke // Antropologicheskii forum. № 28, 2016, S. 52. (In Russian)

10. Liu M. Central Asia in the Post-Cold War World // Annual Review of Anthropology, 2011, No. 40, P. 116.

11. Marsden M. Southwest and Central Asia: Comparison, Integration or Beyond? // R. Fardon et al. (eds.). The SAGE Handbook of Social Anthropology. L.: Sage, 2012, P. 340-365.

12. Mesbahi M. Central Asia and the Caucasus After the Soviet Union: Domestic and International Dynamics. Gainesville, FA: University of Florida Press, 1994.

13. Myer W. Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia. London; New York: Routledge & Curzon, 2002, P. 207.

14. Min Pun. The East-West Dichotomy: From Orientalism to Postcoloniality // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS), 2019, Vol. 24, Issue 1, Ser. 8, P. 75–76.

15. Petrik B. // Antropologicheskii forum. № 28, 2016, S. 83. (In Russian).

16. Rivz M. Antropologiya Srednei Azii cherez desyat' let posle «sostoyaniya polya»: stakan napolovinu polon ili napolovinu pust? // Antropologicheskii forum. № 20, 2014, S. 61. (In Russian)

17. Schoeberlein-Engel J. Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of “Özbek”, “Tâjik”, “Muslim”, “Samarqandi” and Other Groups. PhD diss. Harvard University, 1994.

18. Said E. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. New Delhi: Penguin Books, 2001, 416 p.

Сведения об авторе, ответственном за переписку (место работы, номер телефона, электронная почта) **Аскарлов Мирзохид** - PhD, доцент кафедры «Истории народов Центральной Азии». Ташкентский государственный университет востоковедения, Ташкент, Узбекистан. Тел: +998977135776 Email: mirzokhid.askarov90@gmail.com